

# ГОРДОН СНИМАЕТ ГОРДОНА

## В ОДЕССЕ ПРОХОДЯТ СЪЕМКИ ФИЛЬМА «ОГНИ ПРИТОНА»

В большой одесской семье Гордонов было пять сыновей и две дочери. Я знаю двоих — Измаила и Гарри. С Изей познакомился в середине 60-х годов минувшего века. Он приносил в газету "Знамя коммунизма", где я работал, стихи, и придирчивый заведующий отделом культуры Александр Андреевич Щербаков их печатал, несмотря на жесткий "лимит". Гордон был представителем рабочего класса — работал на заводе, — фронтовиком, а главное, стихи писал хорошие.

С Гарриком я встречался примерно в те же годы у нашего общего друга Валентина Хруща, пареня с Пересыпи, обладавшего несомненными задатками большого художника, которым и стал. Гарри Гордон рисовал, писал маслом, сочинял стихи

и был одной из заметных фигур одесского андерграунда, хотя термин этот (подпольное искусство) мало кто из нас тогда знал. Он поступил в Мухинку — художественный вуз, дававший первоклассное образование, отслужил в армии и в 1970 году уехал в Москву, куда годы спустя перебрался и Хрущ, и в последние месяцы жизни Валика одесский кореш был с ним рядом...

Гарри Гордон стал профессиональным писателем-прозаиком и поэтом. Издал несколько сборников, в которых так или иначе вспоминает родной город. Его книги приходят и в Одессу, но почитать их в магазинах или на "Книжке" трудно: это не детективы и не дамское чтение... Гордон продолжил прерванную было тради-

цию пополнения русскоязычной литературы произведениями выходцев из Южной Пальмиры, и на сайтах особо подчеркивается его одесское происхождение.

В середине 80-х на самых престижных московских каналах пошли интеллектуальные передачи, которые вел небрежно-элегантный, предпочитающий помалкивать молодой человек с модной небритостью. Я обратил внимание на то, что одна из них называлась по фамилии автора — "Гордон". Шла она за полночь, впрочем, как и все его проекты (таков и нынешний — "Закранный киносеанс"), и привлекала особую аудиторию — любителей поломать головы над заманчивыми, но неразрешимыми вопросами бытия... И лишь недав-

но я узнал, что Александр Гордон — сын приятеля моей юности.

Мы встретились с Гарриком нынешним летом. Вспоминая ушедшие годы и друзей, выяснили, что младенчество наше с Гарриком прошло по соседству — на Софиевской. Мы жили на углу Торговой, Гордоны — Ольгиевской. Войну я встретил, посапывая на балконе, а Гаррик родился чуть позже — в разгар обороны города. Наши старшие братья в свои 18 лет пошли добровольцами на фронт. Аба Кохрихт воевал на Кавказе. Изя принял первый бой под Одессой. Узнав о рождении брата, он отпросился у командира, встретил маму с самым младшим Гордоном на крыльце родилики, помог им сесть в трамвай, идущий к дому, а сам

сел в другой — следовавший к линии фронта под Дальником...

Московские Гордоны приехали проведать старейшину рода — Измаила — и на выбор природы будущего фильма "Огни притона", который сын снимает по сценарию отца. Действие происходит, разумеется, в Одессе, в 1958 году.

Александр родился в Подмоскowie 1964-м, а Гарри, хотя и хорошо помнит свою юность, но попросил меня, как и других одесских старожилов, помочь ему в многотрудном, но таком важном деле, как воссоздание атмосферы тех лет, когда фронтовики были еще молоды, когда весь город встречал китобоев из антарктических рейсов, когда деревья на Приморском бульваре еще не заслоняли Воронцовский маяк... Когда в газетах печатали стихи Измаила Гордона, а его младший брат Гарри ходил в литстудию, которую вел Юра Михайлик, — не намного его старше, но уже признанный поэт...

Феликс КОХРИХТ.

# ЖЕНЬКА, ЖЕНЕЧКА

ПАМЯТИ Е. МОСКАЛЬЦОВОЙ

Пришло, наверное, время отдавать долги. Да, отдавать, к сожалению, тем, кого нет рядом. Но это нужно нам, живым.

Жизнь в 46 лет. Много или мало? Каким мерилон измеряется жизнь? Смотря как прожить и сколько успеть. Но сколько бы ни успеть, все равно — мало! Говорят, Господь забирает лучших. А нам с кем оставаться?

Женежка прожила жизнь, которой кому-то хватало бы на 80-85 лет. Выросла замечательного сына. Родилась в "нормальной" семье — двояродный прадед лежит в Кремлевской стене, дед был министром. Училась в престижной школе, жила на Крещатику, возле Бессарабского рынка. На первой свадьбе был Щербицкий, тогда первый секре-

тарь ЦК Украины. Работала во главе разных телеканалов: "Интер", "1+1", американское ТВ, была продюсером Парламентского телевидения (это последняя работа).

Может, я не все перечислила, но это уже не столь важно. Женежка могла общаться с самыми разными людьми, на самом разном уровне: насчет политики, прически, манеры поведения и т. д. и т. п.

А какой она была на самом деле — настоящая любимая подруга? Любила надеть джинсы, темные очки, кепочку с козырьком и пройтись с сигаретой по улицам. И наоборот, помню ее в красивом розовом костюме, макияже, на шикарной служебной машине: открывается дверца, затем показывается длинная красивая нога — и выходит Женежка.

Любила Одессу, очень! Была одесситкой (если можно так сказать) одесситов. Приехала с семьей в Одессу за неделю до того, как ее не стало, собрала друзей в Аркадии на шашлыки. Смеялись, говорили, было вкусно, пьяно, беззаботно. Но я видела, как ей было тяжело подниматься вгору, дала на прощание две таблетки "ношпы" — и всё...

Нужны ли памятки? Мраморные, гранитные, богатые, бедные? Наверное, нужны, но важнее память! Мелочи, события, которые остаются в памяти близких, друзей. И которые вспоминаешь с доброй грустью, улыбкой.

На моей памяти у Жени было несколько людей, которых она любила. Но в их присутствии вела себя тактично или, наоборот, избавля-

лась от них одной фразой, ограждая себя от негативных эмоций.

Помню, приехала в Киев на какой-то праздник, пошла гулять по Крещатику. Зашли на радио к знакомым Жени — они вешали праздничные песни на Крещатик. Поговорили, посмеялись, ушли. Идем — и вдруг на весь Крещатик прозвучало: "В честь нашего друга, известной художницы из Одессы Павлюк Галины передаем песню".

Она умела делать сюрпризы, неожиданные подарки, большие и маленькие. И искренне радовалась, когда человеку было хорошо. Много ли таких людей вы знаете? Я — нет. С ней было легко. Даже известный мат звучал в ее устах нежно, как стихи Есенина. Можно вспомнить много забавных эпизодов.

Женежка всегда поправляла меня с ударением, умела правильно выразить мысль. У нас с ней была мечта. Да, мечта! Были реальные возможности заработать хорошие деньги. Мы мечтали купить билеты в кру-

из на большой белый пароход. Поехать только вдвоем. Загородиться белой веревочкой от назойливых поклонников, читать женские детективы, попивая "Мартини". И я так четко вижу во снах и наяву эту картинку!

Женежка умела мечтать, умела любить. Она была счастлива, ее окружало много друзей, подруг — с одной она дружила с детского сада.

Сколько людей пришло ее проводить!

Какое неправильное слово! Я слышала, что души ушедших хорошо живут так долго, насколько о них помнят. Та вот, я хочу, чтобы душе Женежки было как можно дольше хорошо!

В мире нет ничего сложного, как оказалось. Нужно только помнить о тех, кто рядом. Улыбнуться, поздравить, подарить цветы, подарок просто так. Пока они живы, мы им нужны, и они нужны нам, очень, очень.

Будьте только рядом.

Гали ПAVЛЮК.

# Владимир ШТЕЙНБЕРГ

## СТАРИК И... ШАХМАТЫ

Почему мы прозвали его Шишкин, до сих пор не могу вспомнить. Единственное, что хорошо помню, эту фамилию-прозвище дали ему не в честь знаменитого художника, автора картины "Мишки в лесу". Однако все же, напрягая память, думаю, что это прозвище он получил благодаря увиденному нами кинофильму "Первая перчатка", где один из тренеров по боксу, противостоящий другому (его с блеском сыграл Владимир Володин), имел фамилию Шишкин (по роли в фильме — Шишкин из "Мотора", так называлось спортивное общество).

Этот человек в возрасте, как говорят в Одессе, хорошо за семьдесят испытывал, как и мы, четырнадцатилетние пацаны, безумную любовь к шахматам. Так как играть ему практически было не с кем, он с удовольствием принял нас впоследствии в свою компанию.

Причем о его страсти к шахматам мы узнали совершенно случайно от его внуки Ляды, которая жила рядом с нашим домом. Однажды она увидела наше шахматное сражение во дворе дома, где я жил, и сказала, что ее дедушка тоже играет в шахматы. Мы, естественно, заинтересовались новым "клиентом", во всяком случае, решили его проверить. Через несколько дней наше знакомство состоялось.

Здесь хотелось бы сделать маленькое отступление и рассказать, как мы приобщились к шахматам. Наш классный руководитель Борис Ильич сам хорошо играл в шахматы, в силу второй, а то и первой категории. Он оказал на нас серьезное влияние, и мы начали учиться играть в шахматы.

Итак, знакомство состоялось. Шишкин — я буду так его называть,

так как имя, отчество и фамилию мы если и знали тогда, когда познакомились, то потом забыли начисто, а став взрослыми и вспоминая об этих незабываемых шахматных баталиях, называли его просто Шишкин, и он не обижался.

Это был очень примечательный старик: невысокого роста, в меру тучный, носил всегда помятые брюки непонятного цвета — ни белые, ни серые, но точно парусиновые, — на ногах тапочки, волосы редкие, седые, никогда, наверное, не стриженные в парикмахерской, лицо круглое, редко бритое, нос очень большой с горбинкой. Из носа виднелись седые торчащие в разные стороны волосы. Запомнилось, что Шишкин не выговаривал букву "р", и это, с точки зрения нас, четырнадцатилетних ребят, означало большой дефект, вызывающий если не удивление, то уж точно улыбку.

Шахматисты тех лет и даже более поздних знали, что когда происходит нападение на королеву (ферзя), то нередко объявляли партнеру "гарде", то есть "гарде королеве". Подобное предупреждение делалось, когда осуществлялось нападение и на короля противника. При этом объявлялось: "Шах королю".

Затем, через годы, в близи партнеры перестали предупреждать друг друга, а некоторые из них, не объявляя "шах королю" и вида, что партнер ходит другой фигурой, и при этом нажал на кнопку часов, просто "хватали" с доски короля противника.

Сейчас, вспоминая эти незамысловатые правила, становится смешно...

Так вот, Шишкин садился на скамеечку, брал в руки две пешки: белого и черного цвета, захватил обе в кулаке правой и левой рук, чтобы

мы не видели, как он это делает, и протягивал нам кулаки для разгадывания цвета шахматных фигур. После этого Шишкин принимался расставлять на доске фигуры с особой тщательностью, все время их поправляя. Нам, надо признаться, эта тщательность сильно раздражала, так как каждый по молодости был нетерпелив и, кроме того, хотел побыстрее ринуться в бой.

Надо заметить, что старик играл слабо, намного слабее Валика, да и мы с Оськой почти всегда на равных у него выигрывали. Поэтому через какое-то время мы, естественно, охладели к встречам на шахматной доске с Шишкиным. Но старик не хотел терять таких, как и он сам, фанатичных партнеров. Как-то встретив нас (мы ходили троицей), спросил, почему не заходим играть. Что-то мы начали ему врать, но он почувствовал нашу неискренность и сам спросил: "Вам со мной неинтересно?". Из нас кто-то ответил: "Играть можно, но только с форой". — Что такое фора? — спросил старик.

Мы ему популярно объяснили, и он согласился. Первым, кто сел за шахматную доску, был Валик. Он дал Шишкину вперед целую туру (ладью). И пошла игра. Ладья — это была большая фора. Валик несколько партий, играя серьезно, побеждал, а мы, стоящие рядом, в этом убеждались: старик никогда не сдавался и играл до мата. Стоило Валику расслабиться — и Шишкин тут же его "причесывал". Потом еще раз и еще раз, как только Валик играл спустя рукава.

Наступила наша очередь. Игра с форой продолжалась долго, в течение нескольких лет, в летние месяцы, когда были каникулы. Я и Ось-

ка не могли себе позволить такого пижонства, как сделал Валик, и давали только фору коня или слона. Когда я с Оськой играли продуманно, серьезно, как правило, побеждали старика. Стоило нам отнестись к игре с прохладцей, Шишкин нас "чесал" безбожно, при этом был бесконечно счастлив, улыбка не сходила с его лица. Особенно его улыбка исрилась перед тем, как объявить кому-то из нас мат (известно, что объявлению мата предшествует шах).

Вместо слова "шах" Шишкин говорил: "Король". Мы умирали от смеха, поскольку буква "р" в его устах звучала необычно для нашего слуха. Мы же, мерзавцы, ко всему прочему еще и издевались над стариком. Было это так. Когда наступал момент, что данная фора не срабатывала, и кто-то из нас должен был потерпеть поражение, мы, стоящие в сторонке, стали прибегать к запрещенным приемам: незаметно для Шишкина убирали тайком, например, ладью, отвлекая его по какому-либо поводу. При этом партия продолжалась до того момента, пока старик не обнаруживал пропажу.

Он говорил: "Валя, здесь стояла ладья, где моя ладья?" — "Какая ладья, Шишкин? Не было никакой ладьи". — "Раз так, — сказал старик, — партия окончена!".

В таких случаях он рукой смахивал фигуры с шахматной доски, партия на этом заканчивалась, а мы, улыбаясь, без всякого угрызения совести удалялись. Через несколько дней мы вновь встречались, в наших проказах делался небольшой перерыв, а похищение фигур с доски Шишкина продолжалось.

Так прошло все лето и последующие летние дни. С первого сентября — школа, уроки. Шахматы отошли на другой план. Где-то после 10-го класса, став уже совсем взрослыми, мы встретили старика на улице, мило поговорили, вспомнили наши шахматные сражения, в свою очередь, мы извинились за наши неблагоприятные, мягко говоря,

покупки с похищением фигур. Старик поздравил нас с окончанием школы, пожелал нам успехов в дальнейшей учебе и жизни.

Вспоминается такой не единичный эпизод: войдя как-то в раж, украли с доски у Валика короля, зная заранее, что Шишкин не сможет, даже если захочет, поставить ему мат. Он, картавая, начал кричать: "Где король, где мой король? Я не буду с вами больше играть!". В тот момент, я точно помню, на его глазах выступили слезы. И этот великодушный старик нам, негодным, простил все тогда, при фактически последней встрече.

Каждый из нас не стал великим шахматистом. Хотя Валька еще в 7 классе составил план продвижения в гроссмейстеры и в чемпионы мира. Однако его амбиции были удовлетворены лишь частично: он стал мастером спорта по шахматам, участвовал во многих межрегиональных турнирах. А мы с Оськой так и остались закоренелыми перворазрядниками, но, думаю, что в силу среднего кандидата в мастера спорта мы все же играем.

Наша любовь к шахматам осталась на всю жизнь. Эту замечательную игру, ее правила я передал внуку, который так же, как и его дед, не стал великим шахматистом, но общение за шахматной доской и вне ее с ребятами способствовало интенсивному интеллектуальному развитию, несомненно, повысив его уровень.

Что стало в дальнейшем с Шишкиным, мы так и не знаем, мы его просто забыли. Жаль — был замечательный старик с улицы Кузнечной, самозабвенно влюбленный в шахматы.

**P. S.** Только написав эти заметки-воспоминания, я отчетливо вспомнил, что фамилия внуки Шишкина была Цвях. Может быть, и его фамилия такая же?

Судьба нашей неразрывной троицы сложилась по-разному: Валька — в Америке, Оська — в Германии, а я свой крест буду нести до конца в дорогой мне Одессе.